

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КОНФЕРЕНЦИИ



**Елена Эммануиловна
Павловская**

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник Уральского Центра культурных и экономических инициатив.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ: «НАМ НЕ ЖИТЬ ДРУГ БЕЗ ДРУГА»

Научная конференция, состоявшаяся в конце февраля 1994 г. в Уральском государственном университете, носила весьма объемное название — «Интеллигенция: XX век», что всегда влечет за собой чрезвычайно широкий тематический и исторический спектр тезисов, докладов, выступлений. Так оно действительно и получилось, но безусловным лейтмотивом конференции, какую бы тему ни затрагивали выступающие, стала проблема взаимоотношений интеллигенции и власти. И это не случайно: лишь сквозь призму современных проблем возможно с пользой рассмотреть изучаемый объект, а для интеллигенции сейчас именно проблема взаимоотношений с властью (отнюдь не новая) стоит наиболее остро.

Оговорюсь сразу: данный текст не очень-то похож по жанру на научную статью, пользуясь этим, я рискну не давать какие-либо дефиниции, хотя, безусловно, приблизительные рамки понятий, вынесенных в заголовок, необходимы. Итак, под «интеллигенцией» в этой статье я подразумеваю только профессиональную интеллигенцию, т.е. слой людей, зарабатывающих себе на жизнь главным образом производством некоторого интеллектуального продукта (поэтому на вопрос, довольно активно обсуждавшийся в ходе конференции, кого считать интеллигентом — эрудированного, посещающего выставки и концерты, оригинально мыслящего и глубоко порядочного рабочего или хамоватого, не читающего художественной литературы и не признающего музыкаль-

ной классики вузовского доцента, — в данном конкретном контексте могу сказать безоговорочно — доцента). «Власть», для простоты, — весь руководящий партийно-чиновничий и хозяйственный слой, по-скольку управленческий аппарат, непосредственно ведавший культурой, наукой, образованием, видимо, в наименьшей степени определял судьбу интеллигенции. Хотя, конечно, я отдаю себе отчет в том, сколь далеко это понимание от классических определений.

В докладах многих участников конференции обрисовалось своеобразное сценическое пространство, на подмостках которого две самолюбивые и капризные дамы — интеллигенция и власть, героини нашей бурной советской и постсоветской истории, — вели между собой напряженный драматический поединок. У дам был изначально жгучий и вполне небескорыстный интерес друг к другу, хотя, конечно, хотелось им разного. Одна видела в другой послушную, преданную служанку и даже придворную даму, в обязанности которой входило «умывание» и «припудривание» своей госпожи, снабжение ее самой разнообразной информацией, а также ее безудержное прославление и возвеличивание. Вторая же претендовала на приличное содержание и ...свободу. Каждой из них для достижения своих целей в ход пускались все подручные средства, естественно, специфические для той и для другой, но в совокупности эти средства представляли уже весьма грозный «джентльменский набор» — подкуп и лесть, интрига и измена, грубое физическое насилие и демонстративные объятия... При этом обе

искренне стремились обрести друг в друге поддержку и сочувствие, понимание и преданность...

Опустим кровавые и драматические страницы этой истории (они нуждаются в более деликатном и бережном анализе, чем предлагаемый этой статьей), обратимся к «золотому веку» социализма.

Казалось бы, власти после долгой борьбы удалось приручить интеллигенцию и сделать ее вполне управляемой и предсказуемой, а интеллигенции же удалось сохранить определенную степень внутренней свободы и с успехом пользоваться старческой близорукостью своей госпожи. Альянс почти состоялся.

Действительно, пустяковые сделки с совестью, рассматривавшиеся как почти необременительный ритуал (обязательная цитата из Маркса — Энгельса — Ленина — очередного вождя — решений съезда в начале любой статьи или научного доклада, парочка спектаклей на рабоче-партийную тему в репертуаре любого театра и т.п. — кокетливый реверанс в сторону власти), вознаграждались вполне приличными окладами «сэнээсов» и профессоров, заслуженных и народных... Идеальная лояльность к власти поощрялась развернутой системой званий и степеней, наград и премий, жилищно-бытовых льгот и малодоступных для простых смертных социальных благ, охватывавшей все сферы локализации интеллигенции, — науку, искусство, образование, культуру.

Была обеспечена и вполне надежная, технологичная система воспроизводства интеллектуальной «прослойки», открыто демонстрировавшая ступеньки восхож-

дения по социальной лестнице и тем успешно заманивавшая юношей «с взором горящим». Была для лиц «свободных» профессий — практически никому иному в государстве недоступная — свобода (относительная, конечно же) распоряжения своим временем: «библиотечные» и «творческие» дни, удлиненные отпуска, возможность работать на дому и т.д.

Но что уж кажется сейчас совсем бесценным — это возможность под крышами госучреждений на бюджетные деньги действительно заниматься «высоким», не заботясь о сиюминутной практической выгоде или коммерческом успехе. Государство в лице властных структур выступало практически единственным заказчиком интеллектуального продукта и вело себя по отношению к нему абсолютно так же, как и ко всякой другой продукции, производившейся в те недавние времена, будь то чугунные чушки или детские башмаки. Любому производству было обеспечено экстенсивное развитие, а любому его работнику — своевременная и фиксированная зарплата, независимо от потребностей общества в результатах. А посему львиную долю во многих сферах деятельности составлял заведомо избыточный продукт, никем и никогда не употребляемый, основным назначением которого было — трудозанять избыточное население. Не имея возможностей достоверно проконтролировать количество и качество этого продукта в таких «производствах», как наука, образование, культура, власть тем самым отпускала немало времени и средств для уникальных научных изысканий, для литературных опу-

сов, идущих в ящик стола в надежде на лучшие времена, для бессмысленных, с точки зрения ее, власти, и при этом бесчисленных семинаров, конференций, симпозиумов, «круглых столов», творческих встреч, которые действительно стали питательной средой для интеллигенции... Сквозь рамки официоза просачивались намеками и полунамеками плоды бесконечных «кухонных» дебатов и ночных размышлений.

Иными словами, к началу перестройки интеллигенция была вполне обласкана властью, как нам теперь понятно задним числом. Конечно же, не вся (достаточно вспомнить диссидентов, досаждавших власти, как назойливые мухи, но и не более опасных для нее) и не так сильно, как ей бы хотелось (вспомним неизменный атрибут интеллектуальной жизни — бесчисленные овощебазы и колхозы, которые должны были постоянно напоминать интеллигенту о его месте под солнцем)... Но уже все легче и привычнее было, особенно для подрастающего слоя интеллигентов в первом поколении, соблюдать несложные правила игры, не забывая, правда, изредка посплетничать на кухнях о маразматическом состоянии своей «кормилицы».

Эпоха ранней перестройки резко поменяла позиции. Разъедаемая изнутри губительной для нее влагой интеллектуальности (вот она — роль личности в истории!) незыблемая с виду железная конструкция власти зашаталась. Слегка приоткрывшиеся дверки свободы были сорваны с петель мощной волной духовного потенциала нации, накопившегося за молчаливые десятилетия. Уже не власть помы-

кала интеллигенцией, а напротив — от последней зависело, как поведет себя разбуженный народ, кого и почему он назовет своими вождями. Эта эпоха повального чтения газет и толстых журналов вывела в герои и лидеры тех, кто, будучи или не будучи интеллигентом (по профессии или по состоянию души), мог предъявить качества, характерные для интеллигенции, — умение масштабно мыслить, выстроить перспективу, умение хорошо говорить и побеждать соперника оружием аргументов и фактов...

Однако надеть на себя маску интеллигента в 80-е годы оказывается ничуть не сложнее, чем маску «защитника рабочих и крестьян» в первые десятилетия нашего века. И снять ее — совсем недолго. Для новой власти, взлетевшей к своим респектабельным кабинетам на волне интеллектуальной рефлексии, глубоко проникшей во все слои общества, такое рефлексивное состояние уже вскоре стало представлять серьезную опасность и угрозу ее стабильности. Самый простой выход, который могла придумать власть, она реализовала просто блестяще. Не имея достаточных сил для того, чтобы обуздать вырвавшегося на свободу джина, она просто перестала его кормить... Интеллигенция была отброшена властью как использованная и уже ненужная туалетная бумага (прошу прощения за натурализм, но другого сравнения просто не могу подобрать).

Интеллигенция же, которая была по сути духовной крестной этой власти, с ужасом обнаружила в ней знакомые до боли черты все того же монстра, которые она

когда-то тайно, а потом открыто ненавидела, презирала, высмеивала. Казалось бы, в этой ситуации, когда молчание и смирение уже не являются условиями выживания, становится возможным обрести, наконец, свое собственное лицо и заявить свою имманентную позицию.

Однако состояние духовной оппозиции власти, естественное и продуктивное для интеллигенции в любом развитом обществе, для нашей, родной, оказалось пока практически недоступным. С одной стороны, сказывается «расшатанная наследственность», определившая необходимость беспрерывного компромисса с властью, а с другой — историческая утрата всех, кроме власти, партнеров и кормильцев.

Интеллигенции сейчас плохо, она в растерянности и вновь не узнает саму себя. Вопросы, которые звучали постоянно в ходе конференции «кто мы?», «зачем мы?», «как нам жить дальше?», — воспринимались отнюдь не риторически. Попытки самосохраниться под крышами вузов, НИИ, академий уже практически обречены: государственного финансирования не хватает на элементарный физиологический прокорм, не говоря уж о весьма дорогостоящем духовном воспроизводстве, — резко сходит на нет издание научной литературы, сворачиваются фундаментальные исследования, почти чудом стала любая сколько-нибудь значительная конференция. Слава Богу, продолжают работу библиотеки, но если учесть, что их фонды сформированы отнюдь не в последние годы, а средств для подписки и закупа новой литературы

выделяется все меньше... То же самое в сфере художественной культуры — «кассовый подход» в стране, вступившей в период освоения азов «массовой культуры», ударил по многим серьезным и действительно талантливым авторам, группам, студиям... Конечно же, творческий человек имеет сейчас немало возможностей обрести и выразить себя, каковых не было прежде, будь то создание новой телепрограммы или газеты, организация научного изыскания в закрытой ранее сфере... Но давайте честно смотреть на вещи: организация духовного производства и самое духовное производство — отнюдь не одно и то же. «Интеллектуальный менеджизм», без которого просто не выжить, сегодня проедает львиную долю времени, отпущенного в целом на создание духовного продукта,

Инкорпорируясь же в иные структуры — властные, политические, коммерческие, — даже лучшие представители интеллигенции очень быстро утрачивают свои имманентные качества: гуманистический потенциал, независимость, масштабность и широту взглядов на мир. Впрочем, эти структуры обычно и не скрывают своего вполне циничного потребительского отношения к интеллигенции, то используя известные имена деятелей культуры для формирования имиджа политических объединений или партий, то создавая «мозговые центры» для разработки схем ухода от налогов, то попросту прикрывая громкими научными титулами членов «экспертных советов» при органах власти всех уровней несостоятельные управленческие решения. В свою очередь многие из

тех, кто без тени сомнения причисляет себя к интеллигенции, столь же цинично меняет ценности и убеждения в зависимости от рыночной конъюнктуры. Печально смотреть на прекрасных и действительно любимых артистов, когда они пытаются играть роли политиков не на сцене, а в жизни, на популярных журналистов и телеведущих, когда они, привлекая все свое обаяние, призывают одних соотечественников на борьбу с другими соотечественниками... Все реже и реже выступают как самостоятельная общественная, а не политическая сила творческие союзы, раздираемые внутренними противоречиями, не слышно пока что у нас про ассоциации «обеспокоенных ученых»...

Итак, вопрос «как жить дальше?» сейчас в значительной мере упирается для интеллигенции в вопрос «как самосохраниться?». И хотя это отнюдь не равнозначно вопросу «где взять денег?», можно, перефразируя крылатую сталинскую фразу, заявить что в нынешней ситуации «деньги решают все».

Западные рецепты, основанные на обеспечении интеллектуальных потребностей благополучного общества за счет избыточных для экономики ресурсов, у нас пока бессильны. Искусство просить деньги — фандрайзинг, которому активно пытаются научить нас американцы посредством бесчисленных семинаров-тренингов, останется экзотикой до тех пор, пока не появятся в России богатые люди, которые готовы финансировать науку, искусство, культуру, образование. Не чужестранцы, оказывающие свою помощь (каковая не более, чем капля в море) впол-

не небескорыстно, а свои родные меценаты, в глазах которых не только зеленый свет доллара. Поэтому просьба не путать меценатов со спонсорами. Спонсоры (это стало уже очевидным) вкладывают средства только туда, откуда они могут получить гарантированный и с процентами возврат, будь то распроданные билеты или тиражи, будь то благодарственная газетная статья или телепередача, формирующие нужный фирме имидж, — плохо скрываемая реклама за относительно небольшие деньги. Впрочем, и на Западе институт спонсорства уже давно связывается в общественном сознании исключительно со сферой массовой культуры. Интеллигенции же нужны не спонсоры, а меценаты, понимающие, что бездуховное общество — это угроза для всех.

Но, но, но... Для того чтобы появились частные меценаты, для того чтобы меценатские функции вновь взяло на себя государство, отношения интеллигенции и власти нужно выстраивать заново. «Ждать милостей» от власти сейчас не приходится, «взять их у нее» просто так не удастся. «Что делать?» — извечный российско-интеллигентский вопрос — может быть интерпретирован сейчас в вопрос о том, каким образом установить отношения партнерства и сотрудничества, при которых каждая сторона, соблюдая свои подлинные интересы, могла бы получить от другой необходимый ей «продукт» на условиях взаимовыгодного обмена. Выстраивать новые взаимоотношения начнет, конечно, не власть: над ней пока не каплет. Слово и дело сейчас — за интеллигенцией.